

СВЕЖЖАК

ИВАН КОЛПАКОВ

Родился в 1983 году в Перми. В 2005 году окончил исторический факультет Пермского государственного университета. В 2008-2009 — главный редактор журнала «Компьютер magazine», в 2010-2011 — главный редактор ИД «Соль». Книги: «Сёрф» (2007), «Дальний свет» (2008). С осени 2011 года живет и работает в Москве.

ЧЕРЕМУХА

Вот черемуха изумрудная,
оттого что вечер,
вот асфальт, а под ним неровные
камни, а сверху лужа,
вот сидит на поребрике мальчик,
моя предтеча,
как же ты мне нужен,
жаль, что ты не я.

Вот тропинка, кузнечики,
одуванчики, божьи коровки,
вот играют в ножики,
вот играют в пробки,
вот играют в прятки,
вот он ходит по бровке,
сучая, ходит по бровке,
вот мои остатки,
вот моя семья.

Так, бывало, поймаешь
бабочку-лимонницу,
грудь сломаешь большим
и указательным пальцем,
поднесешь ее к своему лицу,
вдохнешь пыльцу,
подождешь, когда перестанет
дрожать.
Бросишь в траву —
и бежать.

Мир состоит из зрения, попробуй
идти сквозь это. Так состоит
металл из золотой монеты. Так
мы лежим с тобой на берегу
реки. Так над рекой плывут
белые мотыльки. Так из одной
руки в руку другую течет. Так мне
приносят в финале невыносимый
счет. Так из Москвы в Москву,
так из конца в конец. Так нам
приходит п...ц. Так нам приходит
п...ц. Мир состоит из зрения.
Зрение — из округи. Хоть бы вы
все ослепли, други мои и недруги.

МОЙНА И ВИР

Я старая бабушка, я стою на углу
Борчанинова и Большевицкой,
я продаю газеты «Правда»,
«Искра» и «Россия Советская»,
говоря по правде, немногое
из меня может высечь искру,
разве что вот что-то совсем
старое, детское.

Например, мне больно иногда
бывает смотреть на Каму,
по которой больше не ходит
дизельэлектроход «Украина»,
еще большее смотреть
телевизионную программу,
потому что не вижу ни строчки,
ни шиша не вижу, дорогая Зина.

В церкви, которая на этом же
углу, прежде был хлебный завод,
теперь, говорят, в ней отпевают
братков и других юридических,
мне все равно, во мне уже
почти кончился завод,
зато люди, выходящие из церкви,
газеты берут охотнее.

ОЛЬГА РОЛЕНГОФ

Родилась в 1979 г. в Перми. Окончила истфак ПГУ (ПГНИУ). Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Интерпоэзия». Автор сборника стихов «Зрение». Автор идеи конкурса «Узнай поэта!»

ЯБЛОНЕВЫЙ ЛИСТ

как тяжело приносящему плоды,
а яблоневый лист еще растет
и как водичка, песенка течет,
пока идет по камешкам «кто ты?»

идет туда, в далекий плейстоцен,
а тут в земле копается чудак —
он все пытается увидеть —
но никак
не видно этих рук и этих глаз

на высоте тяжелых старых стен,
на высоте огромных
старых гор —
туда-туда карабкается он
в надежде, что увидится сейчас —
продолжат телефонный
разговор,
соединит небесный интернет,
но связи нет, тогда берет предмет
и шерудит из косточек узор.

из человеческих косточек сложить
пытается, что сможет полюбить,
и вот хирург пытается сложить,
то, что другие смогут полюбить,
и вот генетик силится сложить,
то, что в грядущем сможет жизнь
прожить,
и все они смешны, смешны,
смешны,

но как они игрой увлечены,
как детям паззлы их весьма
сложны,
сложны тому, кто силится
сложить —
а на ветру трепещет дикий лист,
и хоть ты тресни, хоть ты
провались...

бедные человечьи косточки!

Зачем загнал свою лошадку-
жизнь —
Не покормив, не дав воды напиться,
Иди сюда, безжалостный убийца,
И ей, убитой, в ноги поклонись.

Зачем нарушил заповедь отцов —
Не убивай единой Божьей твари?
И превратил розарий
в серпентарий
Один лишь ты — и сам, в конце
концов.

Небожьи твари расплозились
вокруг,
И бормоча, и воя, и воркуя,
Но только жизнь тебе для поцелуя
Щеку подставит, не спросив
заслуг.

А если ты ударишь по щеке
Опять-опять, не видя и не слыша,
То что потом твоя рука напишет
И нагадают что такой руке?

В нашем королевстве на сорок
метров,
Где мы сами себе врачи,
землепашцы и скотоводы,
Иногда начинают цветы чернеть
и скотинка сохнуть,
А вокруг бушуют вулканы
и слез разливаются воды.

В королевстве нашем мы уже
наготу прикрыли,
Соплелись в единое существо,
а потом распались.

Иван Колпаков

—
1

Ольга Роленгоф

—
1

Дмитрий Михеенко

—
2

Игорь Курманов

—
2

Андрей Лапицкий

—
2

Евгений Гусев

—
2

Константин Завалин

—
2

Юлия Балабанова

—
3

Вячеслав Шевченко

—
3

Анна Опутина

—
3

Небасё

—
3

Наби Балаев

—
4

Антон Бахарев-Чернёнок

—
4

Андрей Пермяков

—
4

Распалась, кричали, что все
прошло,
Разводились, но не расстались,
Королевство пятнами вкривь
пошло,
Но выстояло на зависть.

Мы уже родили Авеля-Каина,
Зигмунда с Фрейдом и Карла
с Марксом,
Он пока спрашивает, что есть
сплин-тоска,
А придут времена — начнет
погружаться,
Он колотит пятками по земле
королевства,
А снизу другой пацанчик
Прокалывает дыру в своем
государстве и падает мячик
На корону вдовствующей
императрицы
Первого этажа... Эх, а дальше
подвал,
Наступает царство бомжа.
Он, Аид-то, всегда без места,
На должность не определен,
Но зато из каждого королевства
привезет ему мячик Харон.

ДМИТРИЙ МИХЕЕНКО

Родился в Перми. Окончил Пермский государственный университет, филологический факультет. Стихи и песни начал писать с 18 лет. Лауреат фестивалей авторской песни и поэзии: «Земляки» (2001), «Пилигрим» (2003), «Узнай поэта» (2008). Член жюри всероссийского фестиваля поэзии «Узнай поэта». Лидер блюз-рок группы «Blues-собеседник».

ЛЕНТОЧКА

Не дожить, не отмучаться,
не запить, не сканючиться.
Твоя жизнь — вишни веточка,
а моя — финиш. Ленточка.
Лента в косы вплетается,
и без кос не считается,
Так гляжу инородно я
за тобой, моя родная,
Ровная — не покатая
жизнь пойдёт небогатая,
А за ней в небо лестница,
как на ней не повесится...

В горле сухо до шёпота,
но нет слуха — не хлопотно,
Штопан красными нитями
этот путь по наитию.
А налить за всё прошлое,
да забыть всё хорошее,
Да на небо не хочется,
аж душонка щекоchetся.
Ощетиниться, скурвиться,
и в широкую улицу,
За продажными ляжками —
эх грехи мои тяжкие.

Так, по грани вальсируя,
я иду балансируя,
Прогрессирую с ветром я,
фокусирую в светлое,
Но ступенька, другая ли,
вновь собаки залаяли.

Зааели рассветами:
Катями, Ленами, Светами.
И опять жизнь, да ленточка:
здравствуй, новая веточка.
И опять жизнь, да лестница,
и мой нимб полумесяцем...

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ КУПЛЕТЫ

Мало кушал, много пил —
на больничный лист скопил.
Организм, как лесопилка,
превращал меня в опил.
Только жаловаться грех,
не расколот тот орех,
что хранит в себе часть тайны...
Может, я один из тех?

Жизнь и вправду хороша,
если верить миражам,
не шиша не заработав,
не потратить ни гроша.
Пессимизм идет на убыль,
бережет копейка рубль,
может, я и не родился —
просветленья на носу, бль...

Говорил ещё отец:
«Всему смертному конец!»
Брошу взгляд на ягодицы,
если я ещё сеица.
Под замес попасть легко,
но сбежать, как молоко,
не дано густому джему
в синтетическом трико.

В семантической норе
я гляжу на континент,
если правы были майя,
я умру в расцвете лет.
Голь на выдумку хитра,
попроворней осетра —
мы, пожалуй, будем живы,
коль чё выпить есть с утра.

Буду резать, буду бить,
буду блох в себе давить.
Если желчь не вышла горлом —
надо ближнему отлить.
Станет небо голубей,
станет больше голубей,
и бомжи все будут сыты,
и спокойней станет гей.

ИГОРЬ КУРМАНОВ

О себе: «бывший боксер, бывший сектант, алкоголик и придурок.»

ты никогда не полетишь в космос
не взмоешь над сгнившей
планеткой
что инопланетяне завистливо
называют Земляша

поэтому попрыгай на левой ноге
с похмелья
возможно это твой единственный
шанс на полёт
ведь для самоубийства ты
слишком труслив

когда мы расстанемся
ты будешь кричать о моей
бессердечности
о лучших годах брошенных
в никуда
и о том что я никогда тебя
не любил
только не рассказывай об этом
нашим внукам
и не води их на мою могилу
нет ничего скучнее

АНДРЕЙ ЛАПИЦКИЙ

Родился в Перми. В возрасте пяти лет уехал с семьей в Красновишерск. Закончил там 11 классов средней и 7 классов музыкальной школы. Вернулся в Пермь. Учится в ПНИПУ на 4 курсе химико-технологического факультета. Лауреат и победитель конкурсов «Узнай поэта» и «Проба пера» с 2008 по 2011гг.

«Я ЖАЖДУ СЛАВЫ МИРОВОЙ...»

Я жажду славы мировой,
но после первого звонка
меня найдут на мостовой,
лежащим в собственных стихах.
Лежащим, собственно, в снегу
на чьей-то собственной луне,
где от касанья теплых губ
мне будет только холодней,
где луноходы бороздят
поверхность самых сладких снов.
А я опять у них в гостях
и значит, что вполне здоров.

Вокруг оград завьется хмель.
Слетятся утки на манок,
и я возьму их на прицел,
что значит — дан второй звонок,
что бутафорское ружье
не прогремит сквозь гомон птиц,
но исполнение мое
заставит всех кричать «На бис!»,
платочком слезы промокать,
снимать на фотик цифровой,
ведь после третьего звонка
я — жалкий карлик цирковой.

«Я СПАЛ В ТАКОЙ УДОБНОЙ ПОЗЕ...»

Я спал в такой удобной позе,
что Блок не высказал бы в прозе
и не уехал в паровозе
в печальный город на Неве.
Я там еще ни разу не был
и не хватал руками небо,
и не писал под кроной клена
об отшумевшей голове.
Но жил в подъездах Хиросимы,
переживая злую зиму,
как под Полюдом баба Зина:
увидев свет зловещих глаз,
нащупав горсть брусники спелой,
во тьму вселенскую глядела.

Тайга гудела в вувузелы,
и падал снег. И через час
спустились инопланетяне
и снег растаял, как пломбир,
и сном окутал хрупкий мир
живого тела на диване.

Как Ломоносов на обозе,
как Пушкин рядом с Натали,
как в бездне моря корабли —
в такой я спал удобной позе.

«СМОТРУ НА МИР ГЛАЗАМИ ПОЛНЫМИ...»

Смотрю на мир глазами полными,
глазами дикими звериными,
глазами добрыми блестящими,
ночами длинными

брожу по городу замерзшему,
по злему городу несносному,
по подворотням, освещаемым
седьми звездами.

Ищу кого-то очень близкого,
кого-то светлого и теплого,
кого-то радужного, нежного,
как в небе облако.

Но сквозь окно зима суровая
чужими грубыми метелями
настырно ломится, врывается
в постель ко мне.

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

В 19 лет влюбился, начал писать, в 23 закончил юридический факультет ПГУ, в 24 женился. Публиковался в трёх сборниках «Узнай поэта».

МЕЧТА

Мой мозг на иждивении у моря,
Земля не круглая, земля
не виновата.
Я — растоптавший горизонты
воин
Из 35-й «люксовой» палаты.
Владения мои мной не владеют,
Прочные стены — части
декораций...
Капризная мечта сидит на шее
И заставляет постоянно
улыбаться.
Идите вправо, влево ходу нету,
Назад и прямо тоже нет дороги.
Я видел мир, где горы к Магомету
Бегут, до крови измозолив ноги.
Я видел мир, где нету человека,
Где небо посвящается природе...
Земля — «невиноватая
планета»,
Не падает разбойникам под ноги.
Видение ушло, осталась
бытность.
И бытовуха, чтоб её три раза.
Махнуть рукой — и целиться
на выстрел.
Как ясен день и как мечта
заразна!

Он родился в рубашке
с китайского рынка,
И по качеству материала
Отставал от счастливцев великих,
И это самолюбие задевало.
У Адама был лист фиговый,
У Евы был лист фиговый,
А у Лужкова есть кепка.
Раньше предполагали,
а теперь смотрят по телевизору;
цензура — правнучка
инквизиции.
Возьмитесь за голову,
Откройте глаза,
Поднимите веки!
Это вам не гамбургер с кока-
колой,
Это человек в 21 веке!
И легализуйте порно,
Рождаемость повысите этим.
А то вот уже на стене
китайское матерное слово,
А в тайге на баяне играют Йети.
А впрочем
Что бы мы ни делали —
За всё будут расплачиваться
Наши дети.

Седая людская масса
Курильщикам плюй под ноги
Здоровье в аптеке купим
Хирурги наложат швы
Толкуется дурость в прозе
Козлы замышляют козни
Из сотен других патологий
Я выбираю секс
Со спортом дружи приятель
Он тоже не однозначен
Его не хватает многим
Но он не сидит в ЖК
Ему не поставишь плюсики
И толстая девочка трусит
показывать в неглиже
А мне ничего не страшно
Я тлеющий в банке башик
Поплюйте в неё уже.

КОНСТАНТИН ЗАВАЛИН

Родился в 1979 году в Пермской области в местечке Усть-Кишерть. Вырос в семье учителей. Песни писал с раннего детства. Во время учебы в Педагогическом университете в Перми время от времени выступал с концертами. Много ездил по России. Сейчас работает журналистом, пытается воспитывать детей и учиться снимать кино. Что будет потом — не знает, и не знает, кто знает.

ПЕСНЯ ДЛИННОЙ В ЖИЗНЬ

Он старый солдат, барабанщик
полковой.
Вся жизнь прошла на передовой.
Всю жизнь в барабан он бил,
он бил,
Он родину любил.

Бьёт — значит, любит, и родина
звала.
И юность прошла, и молодость
прошла,
Он стар, и всё что он умеет —
ворчать,
И в барабан стучать.

А ведь когда-то, возвращаясь
домой,
Он различал её улыбку в толпе,
Она как будто бы звала за собой,
Ему как будто бы хотелось
запеть.
Он понимал, что завтра могут
убить,
И не сложиться их счастливой
семье...
Она могла бы ему сына родить,
Но нету счастья на земле.

И каждый день на площади дробь
звучит,
Пока у барабанщика сердце
стучит.
Бьётся — значит, любит,
а больше ничего
И нету у него.
Громче стучит барабан, сердце
бьётся
Всё громче стучит барабан,
сердце...

Она — старуха с вуалью на лице,
Когда-то была красавицей.
Мечтала — с войны он придёт,
придёт,
И замуж позовёт.
Мечтала, любила, а что важней,
Мечты, любви, семьи и детей?
И как так случилось, что он ушёл
опять,
Ей было не понять.

И каждый день она на площади
идёт,
Чтобы как будто покормить
голубей,
А там старик как будто на смерть
ведёт
Отважный полк — две с лишним
тыщи людей,
Она всю жизнь безумно любит
его,
А он безумен, только всё же
любил
Её одну... и что — и ничего
И уходил, и уходил...

Однажды он в город вернулся
навсегда.
Глаза прозрачные, как вода.
И к ней подойти он не смог,
не смог,
Поскольку нету ног.
Но есть барабан, пусть голова
седа,
Безумна, правда, но это ли беда,
И каждый день на площади
у башни
Гремит тревожный марш.

А на закате он обнимет её,
И деревянные ступни заскрипят,
Они отправятся домой, где
их ждет
Приёмный мальчик, он играет
в солдат.
Чехол в углу скрывает знамя
полка,
Навек застрявшее в силках
пауков.

Из темноты погасит лампу рука,
Приятных снов... Приятных снов.
Все тише стучит барабан, сердце
бьется
Всё тише стучит барабан, сердце.

ЮЛИЯ БАЛАБАНОВА

В 1979 году родилась в Перми, которую очень любит и покидать не намерена. Всю жизнь мечется между творческой свободой и стремлением хорошо зарабатывать своими мозгами. Пишет и редактирует тексты. Иногда поет их под гитару. Воспитывает двоих сыновей. В душе либерал.

НА ЕЛКЕ

На елке умер космонавт.
Никто той смерти не заметил.
Вокруг все так же пели дети,
Печальной тайны не узнав.

Все так же топали не в такт
Для гримированного деда,
Не ведая, что в ветках где-то
Простился с жизнью космонавт.

Все так же из папье-маше
Его пустая оболочка
Болталась на кривом крючочке.
Души в ней не было уже.

Кто знает, сколько прожил он —
Пятнадцать лет, а может, десять.
И все — то снимут, то повесят —
Дурной однообразный сон.

Наступит утро. Пестрый хлам
Разложат в пыльные коробки.
Его душа по снежной тропке
Уйдет к неведомым мирам.

Когда же через год опять
Завхоз на свет его достанет,
То почему-то вдруг не станет
Им больше елку украшать..

Полюбила шута,
Так терпи, не скули:
Ужин — хлеб да вода,
Дом — кибитка в пыли.

Как была молода,
Как пригожа была,
А с шутом маята —
Ни двора, ни кола.

Всю свою красоту
Растеряла в пути.
Что за дело шуту?
Знай поет да свистит!

Уж попала впросак —
Так святых не гневи:
Он не снимет колпак
Ради бабьей любви.

От зари до зари
Ты его не кляни,
Лучше слезы утри
И на небо взгляни...

Умиляются там
От твоей простоты
И шута, что Христа,
Любят больше, чем ты.

ВЯЧЕСЛАВ ШЕВЧЕНКО

Родился в Перми, учился в Перми, вырос в Перми. Живу в Перми.

Я солнце, прибитое к потолку.
Я некто, что будет тебе никто.
Я тот экземпляр нелюбимых
кукол,

Из коих, возможно б, и вышел
толк.

Я белая скатерть на чёрном пне.
А время, ушедшее от тебя,
Приходит поплакать в жилет
ко мне,
Помятый платок в руках теребя.

Я линия, согнутая в дугу,
Качающийся над тобой фонарь.
Я слышал, как стоны с распухших
губ
Слетали твоих. И звенел январь.

Я плаха натруженных грязных
шей,
Которым верёвки и с мылом трут.
Я видел, как тыщи голодных вшей
Сидят на диете и тихо мрут.

Я полдень Мадрида после дождя.
Я стянутые на ногах бинты.
Я видел, как крысы меня едят,
И пятки мои щекотали хвосты.

Я кот, развалившийся на ковре.
Я в небо вздыхающая труба.
Я камень в песке. Я тот самый вред
Который наносит тебе табак.

Тобой подождённые я мосты,
Плот, еле держащийся на воде.
Я страх поглощающей темноты.
Я солнце, висящее на гвозде.

Я дымка, плывущая из трущоб,
Я бережно выдернутый сорняк,
Румянец твоих нежно-впалых щёк;
При встрече целуют тебя в меня.

ПРАЗДНИК БИТОГО КИРПИЧА

Солнце, вставшее на дыбы,
Проползёт по кирпичной кладке,
О которую бились лбы,
За которой играли в прятки.

И, поджаренной на углях,
Хрустнув битой кирпичной
крошкой,
Мы почувствуем, что земля
К нам, как в двери, стучит
в подошвы.

Гимном этих седых руин
С напрочь съехавшей ржавой
крышей
Шоркнет птичий о крышу клин,
Заскребутся в подвале мыши,

На провисших до дна мостах,
В бледных окнах на пыльных
шторах

Ненадолго восставший Бах
Нам сыграет сонату шторма.

В праздник битого кирпича
По ребру отбивая герцы,
Замурованный в нём стучал
Разорванным диким сердцем.

Чтоб свою оправдать печаль,
Мы справлять, поджигаясь
в сене,
Праздник битого кирпича
Станем каждое воскресенье.

Чтобы кто-то из нас погас,
Надо лишь утопить в траншее.
Чтобы профиль наш
стал анфас,
Надо просто свернуть нам шею.

АННА ОПУТИНА

Родилась в Перми 07.07.1993 (дату красивую специально выбирала). За 18 лет успела много чего начать и кое-что даже закончить, например, обучение в гимназии № 5 и в музыкальной школе № 2 (даже дважды: сначала по классу фортепиано, потом — флейты). Последнее из начинаний (а я имею в виду только самые значимые) — поступление на филологический факультет ПГУ.

заполняю себя ночами
пролитым чаем
из своей любимой кружки
с японками,
так похожей теперь на меня
осколками,
разбросанными под чьими-то
ногами

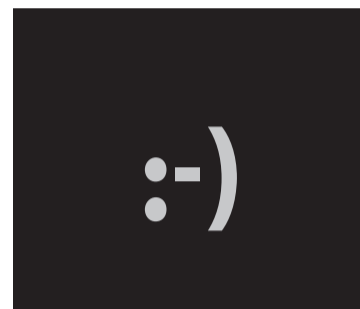
в беспорядке,
как и слова, ставшие
бессмысленными слогами
в моей голове и тетрадке.
помнится, долго рыдала,
когда кружка разбилась,
собирала осколки, кидала,
то, что осталось, пыталась
склеить,

злилась
и — можете мне поверить —
впервые молилась,
но не удивительно, что была
не услышана —
мои слова никогда еще не
поднимались выше,
чем крыша,
да что там — обычно
возвращались секунды спустя,
ударившись о потолок,
хотя,
может быть, бог
просто не смог
или не захотел
(правильный вариант выбирайте)
вернуть моей кружке тело,
надеюсь, ее душа попала в рай.

BASTARD

Вы уставали от жизни, а жизнь
— от вас,
Вы отставали от времени —
времени пофиг.
Мир отошал совсем и, будто
жалкий дистрофик,
Корчится под безразличием
тучных масс.

Я улыбаюсь. Мне кажется, все
путём,
Чай в моей кружке не стынет
двадцатые сутки.
Если хотите, меня запишите
в убудки —
Я незаконно счастливым на свет
рождён.

НЕБАСЁ

ещё один поворот
и будет дом твой но вижу
ещё один поворот

у огней бегущих навстречу
нет выбора
куда бежать

где ты прелесть моя?
в каком из баров Перми великой
проснулся твой телефон?

я не Басё
ты не лягушка
трахнемся что ли?

еду на встречной в лоб
бьёт весеннее солнце
ладно не грузовик

выставка в галерее
три мужика проездом
дали пикассо шагал

откуда такая грусть
смотри как движутся птицы
за пределы взгляда

немузыкальный мат
даже среди бомжей
перевелись поэты

нет не судьба тебе
бросить такую жизнь
маленькая цыганка

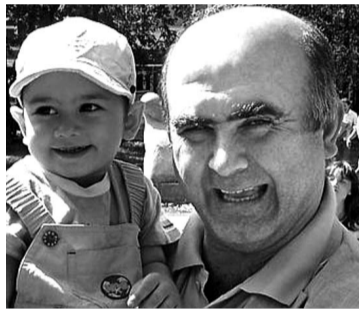
...Аристократы духа
Сохнут в переулках,
Прислонивши ухо
К философу в шторках.

Осевое время похоронено,
Весь этот очаг пылает,
В Ираке трупы не захоронены,
В Афгане Будда рыдает...

Словно здесь сошлись Бермуды, —
Камня на камне не остается,
Всех призывают иуды
К эмбарго присоединиться.

Дух Заратустры ли витает
Над Ормузским заливом,
Не знает, никто не знает...
Европа напивается пивом.

**Осевое время — понятие,
введенное Ясперсом, означает
время задумавшихся
над собственной смертностью
людей — и находивших
личные ответы
(Время Будды, Платона,
Конфуция и т.д.)*

НАБИ БАЛАЕВ

О себе: «Моя биография известна всем»

Осевое время* похоронено,
Звезды не мигают больше.
Сколько людей нераспято
крещено,
Лишь бы не тревожились дольше.

Маразматика из телевизора
Вешают Время на шнурки,
Словно аптечного провизора,
Предавшего их — вперегонки.

И зубчатое племя подкидышей,
Похоронив луну и солнце,
Становится армией
перевертышей,
Сохранившим имя в глянце.

Пусть Барак Обама мочится
На тела талибов,
Посмотрим, чем это кончится,
Войной ли заливов.

И какая кровавая история
Найдет своих героев,
История — не виктория,
А история — плейбоев...

АНТОН БАХАРЕВ- ЧЕРНЁНОК

Родился в Губахе в 1980 году. Публиковался
в журналах «Знамя», «Вещь». Автор книги
стихов «Живи сюда» (2011). Живет в Перми.

Предрождественская тоска...
Забирайся в свою избу.
Вынимай не спеша резьбу
Из картофельного глазка.
Продолжаясь две тыщи лет,
Ты и века-то не нажил —
Вот и точишь свои ножи,
Вот и топчешь свой туалет.

Фотокарточки на стене:
Выцвел дед — разбери, что дед.
Да и ты, где тебе семь лет,
Тоже словно бы из теней.

Сто друзей и сто два врага,
Шрам на скуле, на сердце —
боль.
Говоришь себе: «Бог с тобой!» —
По привычке, навряд ли...

Всех позвал — никто не пришёл.
Остаётся копать в себе.
И заноза стучит в стопе —
Сам не вырвал, и не прошло.
Но увидишь — идёт звезда,
Ледяную вскрывая мглу —
И заплачешь в своём углу...
Раз. До смерти. И навсегда.

Светает в одиннадцатом часу,
Как будто живём в лесу.

В котором неведомо
как оказались —
Гуляем земли не касаясь.

Проходит мужик по замёрзшей
воде,
С сосульками в бороде.

Проходит, кивая, как старый
знакомый —
Но мимо подъезда и дома.

Наверное, даже киваешь
в ответ,
Оглядываясь вослед.

И думаешь, где же ты мог его
встретить;
Ещё размышляешь о смерти.

И рвётся на холоде,
как ни держи,
Дыхание цвета души.

Дыхание белого-белого цвета —
Белее снегов и рассвета.

И день такой... как будто мальчик
Встаёт рассказывать стихи,
В костюме грозного команчи,
Двенадцать строчек чепухи,

Которой вовсе не бывает,
И потому он каждый раз
Начнёт — и тут же забывает,
И смотрит ясными на нас.

А мы его наперебой
Зовём, подсказывая слово —
И он ревёт, яркоголовый,
И к маме просится домой...

Потом не вспомнит ничего,
Лишь на полу оставит перья.
И пропадёт во тьме империй,
Играя жизнью кочевой.

АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ

Родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую медалию. Кандидат медицинских наук, работает в фармацевтической промышленности. Публиковал стихи, прозу, рецензии в журналах и альманахах «Абзац», «Алконость», «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Урал» и др. Участник товарищества поэтов «Сибирский тракт». С 2009 г. живет в Подмоскovie.

Они всё время оказывались
в квартирах,
где кто-нибудь умирал.
Например, бывший хозяин
или хозяйская кошка.
Соседи шумели в подъезде,
ребенок орал.
Новый хозяин тоже орал
немножко.

Ничего не менялось кроме
страны, кроме квартир,
кроме других квартир и другой
страны.
Встретив знакомую, говорила:
до чего тесный мир,
покупая цветы, говорил: дожили
до весны.

Ребёнок вырос будто бы за один
день.
Видимо это была специальная
компьютерная игра.
Через окошко втекает ранний
шашлычный дым,
облако уронило на зеркало
тонкую тень,
лицо почти на минуту сделалось
молодым.
Девятое марта. Девять часов утра.

Пишу рассказы, читаю рассказы,
пишу рассказы
Подбираю фразы, подбираю
фразы, думаю о высоких берегах
реки.
Хочу, чтоб вот эти двое,
кто подерутся, сразу
Оказались на расстоянии
вытянутой руки.

Чтоб иногда шел снег.
Или всегда, когда нужно, шел
снег.
Шел сам собою: не я написал,
а он шёл,
Чтобы рассказы читал любимый
небольшой человек
И чтоб человек иногда говорил:
«Хорошо».

Чтобы ветви несильно качались
на сильно ветру.
(в окошке и вправду рыжие ветки
качаются)
Отчего-то не думаю о том,
что умру.
(ночь не кончается, март никогда
не кончается)
Вообще не думаю что умру.
Вру.

Застенчивая музыка играет
на лаковом от вечности мосту.
Тень корабля продольно
уплывает
из пустоты в другую пустоту.
Тень корабля тихонько
возвращает
почти невероятный год,
где девочка негромко обещает.
Соврёт.

Такое бывает в последней
четверти лета,
когда кузнечики как сумасшедшие
мотопилы.
Реки становятся воздухом, свет
остаётся светом,
и в разговорах про лето случается
слово «было».

Над пляжем крутилась
замученная пластинка,
на Каме негромко урчали синие
земснаряды.
Арбузы и яблоки разваливались
на половинки —
будто бы сами собой, будто бы
так и надо.

А лето всё было, было.
Пластинка всё пела, пела.
И на четвёртой песне всё так же
скакала иголка.
В последней четверти лета у тебя
появилось тело.
Надолго.

